

НОРМАТИВНОСТЬ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА: ВЫСТРАИВАЯ СИСТЕМУ КООРДИНАТ

Введение

Елена Богданова, Юлия Зеликова

Елена Богданова, член редакционной коллегии Laboratorium, соредактор специального выпуска; Европейский университет в Санкт-Петербурге; Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. bogdanova.nova@gmail.com.

Юлия Зеликова, соредактор специального выпуска; факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес для переписки: РАНХиГС, Средний проспект В. О., 57, ком. 304, Санкт-Петербург, 199178, Россия. zelikova-ya@ranepa.ru.

Этот тематический номер сложился в результате международной конференции «Aging in Cross-Cultural Perspective», состоявшейся в Санкт-Петербурге 14–15 декабря 2018 года. Организаторами конференции были профессор Университета Хельсинки Майя Кёнёнен и доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Юлия Зеликова. Основанием для организации конференции стал проект «Between the Normal and the Abnormal: Cultural Meanings of Dementia and Old Age in Finland and Russia», поддержанный фондом Коне и реализованный в 2017–2019 годах. В ходе конференции возникла дискуссия, открывшая потенциал кросс-культурного взгляда на феномен старения в разных социально-культурных контекстах и выявившая нормативность как один из главных его аспектов.

Пожалуй, проблема нормативности старения и старости никогда не была столь актуальна, как сейчас. Увеличение доли пожилых людей относительно всего остального населения воспринимается как серьезный вызов для современного общества и порождает запросы на новые определения, интерпретации, концептуальные поиски нормативных оснований, с которыми может соотноситься старость и старение. Внимание к теме кажется исключительным еще и потому, что до недавнего времени темы старости и старения были практически полностью исключены как из публичных дебатов, так и из дискурсов социальных исследований. В определенном смысле сами по себе исследования старения являются инструментом нормализации старения и преодоления страха перед этим процессом (Pickard 2016).

Социальные ученые вместе с авторами концепций социальной политики пытаются объяснить место пожилых в обществе, их роль в сфере трудовой занятости и потребления, определять обязанности государства и молодых поколений по отношению к пожилым. Одни подходы предлагают переопределять возрастные показатели старости. Другие вообще размыывают возрастные границы и предлагают не замечать специфики старшего возраста (Elder 1974; «Political Declaration and Madrid International Plan» 2002; Pickard 2016; Riley, Johnson, and Forner 1972; Rowe and Kahn 1987). Одновременно с возрастными границами размываются и переопределяются и привычные нормативные основания и паттерны старения. Возраст и старение возникают не только как вызовы глобализации и национальных систем управления, но и как личностные проблемы, связанные с поиском новых идентичностей и социально релевантных моделей поведения. Благодаря многослойности смыслов нормативность может служить инструментом, обеспечивающим диалог между разными уровнями существования явления: от персонального до глобального.

В социальных науках нормативность – одно из самых сложных, трудноуловимых и вместе с тем одно из самых эвристичных понятий. Оно встроено в дебаты о власти и управлении, структурных и институциональных трансформациях, социальной включенности и бедности; тесно связано с темами телесности и здоровья. Границы между нормативными и ненормативными проявлениями человека регламентируются всеми известными системами регулирования: религией, моралью, этикой, законом.

Проблема нормативности затрагивает все стратификационные системы: гендер, класс, гражданство, иерархию отношения человеческого и нечеловеческого (human – non human). По мере того, как возраст укрепляется в качестве одного из оснований стратификации (Nikolajeva 2009; Riley et al. 1972), актуальными становятся выработка аналитического аппарата возрастной нормативности и встраивания его в систему социального знания, развитие инструментов, раскрывающих понятия и критерии возрастной нормативности.

Аппарат возрастной нормативности во многом заимствуется из концепций, объясняющих другие сертификационные системы. Известно множество примеров анализа возрастных норм в тесной связи или по аналогии с гендерными нормами (Beauvoir 1972; Gilleard and Higgs 2000, 2005, 2010; Pickard 2016). Ставшая классиком в своей области исследовательница гендерного неравенства Джудит Батлер понимает нормативность как инструмент определения и подавления, как систему «обыденного насилия со стороны определенных гендерных идеалов» (Butler 1999:xx). По мнению Батлер, сам пол появляется в тот момент, когда возникают нормативные суждения о нем. Точно так же и возраст мы начинаем замечать в тот момент, когда появляются нормы, его регулирующие.

Нормативность старения и старости, очевидно, исторична и культурно детерминирована. Представления о нормах старения и нормативных проявлениях пожилых изменяются с течением времени. По мнению Пат Танэ, «так называемое естественное старение связано с культурным и моральным идеалом старости, в котором представления о старении связаны с процессом физического и умствен-

ного упадка» (Thane 2000). Важным моментом ухода от естественного старения стало наступление индустриального общества, развитие медицины и биотехнологий (Jones and Higgs 2010:1514). Общее улучшение здоровья и рост продолжительности жизни в таких странах, как Великобритания и США, радикально изменили представления о старении и старости. Начиная с XX века и далее идея естественного жизненного пути, его нормативно понимаемые этапы, оканчивающиеся немощью и смертью, стали оспариваться и социальными учеными и медиками. Прорывы в биogerонтологии и биомедицине создали основания для более дифференцированного представления о нормальном старении. Нормы естественного старения, связанного с болезнями и немощью, потеснили новые концепции, нормализующие старение без существенной утраты здоровья и активности (Elder 1974; Rowe and Kahn 1987, 1997). В 2002 году Мадридский план («Political Declaration and Madrid International Plan» 2002) официально закрепил нормативность активного старения, включенного в рынки труда и потребления. Изменился сам статус позднего возраста: он сместился с периферии социальной жизни ближе к центру современного общества.

По мере ухода от модели естественного старения нормативность тела – главного инструмента социальности и взаимности (Merleau-Ponty [1945] 1978) – колоссально трансформировалась. Квир-исследователи рассматривают стареющее тело как ненормативное, утрачивающее функции, квинное. Такое тело является основанием для дискриминации, исключения из основных социальных измерений. Синтия Порт в своей статье 2012 года напрямую связывает радикальную квин-темпоральность со старостью: «Пожилые люди, как и квин-субъекты, часто рассматриваются культурным воображением как находящиеся вне обычных темпоральностей, стоящие на пути у будущего, вместо того чтобы вкладываться в него» (Port 2012:3). Утрата репродуктивности и сексуальности делает пожилых даже более квинными, чем гомосексуалов, которые включены в репродуктивную сферу, хотя и создают свою собственную альтернативную темпоральность (Halberstam 2005).

Благодаря новым возможностям медицины, ортопедии, косметологии отменяется множество ограничений, связанных с возрастом. Стареющее тело, обремененное болезнями и недомоганиями, переформатируется в тело изменяющееся, но активное, подвижное, эстетически признанное (Зеликова 2018; Низамова 2016). Биологические процессы, связанные с болезнью и умиранием, все успешнее контролируются (Radicioni and Weicht 2018). Репродуктивные практики смещаются на более поздние жизненные этапы (Beaujouan and Sobotka 2019). Нормализация секса в старшем возрасте (Зеликова 2018; Rogozin 2018), поздних родов, суррогатного материнства и приемного родительства позволяют преодолеть, кажется, главный барьер возраста, обесценивавший пожилых, – возможность участия в репродуктивных практиках. Стареющее тело перестает быть однозначно квинным. Более того, актуализируется вопрос о том, сужает ли возраст рамки нормативности или расширяет их. Так, инвалидность в молодом возрасте расходится с рамками нормативности гораздо сильнее, чем инвалидность в пожилом возрасте (Gallop 2019). Территория, занятая рефлексивным проектом телес-

ного старения, все время расширяется и занимает одну из ключевых ролей в понимании возрастной нормативности (Jones and Higgs 2010).

С развитием возможностей медицины и биотехнологий естественное старение перестало быть единственным и доминирующим способом стареть. Нормативность старения стала обретать вариативность, в дебатах о способах старения появилось понятие «разнообразия». Так же, как и в гендерной теории, возможность разнообразия (Butler 1999) разрушила дуальные системы координат, определявшие молодость и старость, здоровье и нездоровье, норму и патологию, жизнь и смерть. Эти изменения ожидаемо породили множественные гетерогенные, разнообразные траектории жизни в старшем возрасте. По мнению Яна Джоунса и Пола Хиггса, мы вступили в период, когда «сила нормы теряет свои позиции, поскольку нормативное старение переходит от состояния к цели» (Jones and Higgs 2010:1515).

Между тем области естественного, нормального и нормативного не исчезли. Они изменились и многократно усложнились, наложились друг на друга и образовали большое количество гибридов, существующих одновременно. Как писал Зигмунд Бауман, в то время как значительная часть пожилого населения по-прежнему подчиняется более ранним модернистским представлениям о нормальном старении с сопутствующими дискурсами упадка и зависимости, другие относятся к иному дискурсу нормативного старения – тому, который организован вокруг рефлексивно созданной культуры телесного совершенствования (Bauman 2001, 2005).

Изменения в понимании старшего возраста и нормативности старения способствовали значительному развитию на уровне институтов и законодательства (Beck 2007; Beck, Bonss, and Lau 2003). Вместе с тем сами по себе нормы и нормативы уже не производят значимых изменений. По мнению Джоунса и Хиггса, сегодня понятие «норматив» «больше не используется для описания и отделения социальных действий, которые должны происходить, от тех, которые не должны происходить в определенных культурных и институциональных условиях». И далее: «Вместо этого плюрализм, разнообразие и различия сами по себе стали нормативными элементами, движущими институциональными изменениями» (Jones and Higgs 2010:1515). По мнению исследователей, особая задача сегодня состоит в том, чтобы различать заново настроенные области естественного, нормального и нормативного, которые теперь используются в понимании старения (Jones and Higgs 2010:1517–1518; Moody 2002), замечать переключения между этими областями и отслеживать трансформации разнообразия.

Сегодня мы живем в мире, где каждое общество производит свою собственную нормативность старения, сохраняя традиционные формы, более или менее успешно трансплантируя паттерны из других культур, сочетая старое и новое в различных вариациях. Материалы этого номера раскрывают эвристичность межкультурного и междисциплинарного подхода к исследованию нормативности старения. Концепция нормативности сегодня не предполагает единой системы координат, универсальных норм или паттернов старения. Эмпирическое изучение нормативности сегодня – это матрица множественных межкультурных и междисциплинарных сравнений, порождающая континуум определений и исследовательских находок. В этом и сложность темы, и ее безграничный потенциал.

Главной темой этого номера стала проблема нормативности старшего возраста и старения в России. Современное российское общество представляет собой исключительный микс домодерного естественного старения, советского аскетичного патернализма и попыток реализации неолиберального проекта старения. В номере представлены работы, написанные в разных научных жанрах: статьи, эссе, полевые заметки, рецензии на монографии и сборники научных статей. В поисках ответов на вопросы о нормативности старшего возраста авторы обращаются к различным подходам социологического и культурального исследования, дискурс-анализа, литературной геронтологии. Многообразие жанров, тем и подходов позволит читателю увидеть, как развивается дискуссия вокруг проблемы нормативности старения, какие темы интересуют авторов публикаций, с какими проблемами сталкиваются исследователи процесса старения и какие методы они используют в своих работах.

В статье Ольги Максимовой «Старость или “третий возраст”? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений» представлены результаты исследования того, как люди воспринимают свой возраст в процессе старения. Автором цитируются нарративы людей в возрасте от 63 до 83 лет, где они описывают свой возраст как возраст для развития и самореализации, возраст мудрости, жизненного опыта и новых возможностей. Результаты данного исследования показывают, что нормативный образ пожилого человека, существующий в российских средствах массовой информации (образ пожилого человека «как человека угнетенного и оторванного от жизни»), противоречит восприятию собственного возраста и образу жизни опрошенных людей старшего возраста. Это противоречие, по мнению автора, говорит о том, что в обществе должно быть пересмотрено понятие «старость», «пожилой возраст» и сформировано более толерантное отношение к процессу старения.

Алия Низамова в своей статье «Normativity and the Aging Self: “Active Longevity” Media Discourse in Contemporary Russia» анализирует, как меняется медиадискурс таких понятий, как «активное старение» и «успешное старение». Привлекая подход критической геронтологии, автор убедительно показывает, что концепт «успешное старение» (или «активное старение») используется в современной России в консьюмеристской логике, призывая людей, достигших пожилого возраста, сохранять стиль жизни, свойственный среднему возрасту, игнорируя все нормы и социальные факторы, которые сопровождают процесс старения. Автор показывает, что такая логика использования понятий «активное старение» и «активное долголетие» наполняет их новыми смыслами и формирует новые понятия (такие как «пожилой работник» или «работающий пенсионер»). Этот дискурс влияет на жизненные траектории пожилых людей, меняя их первоначальные жизненные стратегии.

Изучению дискурсов посвящена также статья Артура Холявина «Саморепрезентация религиозных организаций в контексте трансформации социальной политики в отношении пожилых: между “служением” и “экспертизой”». В статье проанализирована самопрезентация двух находящихся под управлением религиозных организаций учреждений долговременного ухода за пожилыми. Эмпириче-

ским материалом для исследования послужили уставные документы организаций, методологические материалы, официальные сайты, интервью с сотрудниками. Основной гипотезой исследования было предположение о том, что на уровне саморепрезентации религиозные организации готовы поступиться собственными ценностями духовно-нравственной заботы о ближнем, позиционируя себя прежде всего в качестве «экспертов». В ходе исследования были выделены три основных фрейма: религиозное терпение, относящееся к изначальной миссии и идентичности организаций; гуманизм, характерный для современной гериатрии в России; и рационально-утилитарная профессионализация, то есть дискурсивное позиционирование себя как экспертов. Использование фреймов отличается для разных целевых аудиторий и типов текстов. Несмотря на то, что терпение и гуманизм вполне соответствуют духовным ценностям религиозных организаций, автор делает вывод о том, что его гипотеза подтвердилась, так как фрейм профессионализма является наиболее распространенным, а фреймы терпения и гуманизма появляются нерегулярно, в зависимости от ситуации.

Елена Здравомыслова и Аркадия Савченко посвятили свою статью «Моральная карьера заботы о пожилых родственниках, страдающих деменцией» изучению практик долговременного ухода за пожилыми людьми. Для концептуализации и описания родственного ухода авторы используют понятие *моральная карьера заботы*. Это позволяет авторам увидеть, как меняется статус и идентичность родственника, осуществляющего уход. Статья написана на большом эмпирическом материале, который включает глубинные интервью с родственниками, ухаживающими за больными с деменцией, а также материалы включенного наблюдения. Исследование показывает, как российское общество по-прежнему нормализует модель семейной заботы. Несмотря на то, что практики заботы модернизируются, в обществе до сих пор отсутствует институциональная поддержка заботы о пожилых. Осмысливая родственный уход как моральную карьеру заботы, авторы убедительно показывают, что этот труд предполагает большую эмоциональную работу и энергетические затраты. Сами родственники оценивают труд родственной заботы амбивалентно. С одной стороны, это чувство удовлетворения от выполненного долга, а с другой – социальное исключение, риски для здоровья и снижение качества жизни. Важным результатом исследования является вывод о том, что опыт родственного ухода меняет идентичность заботящегося, что ощущается даже после смерти родственника. Моральная карьера заботы оставляет неизгладимый след в жизни человека.

В статье Юлии Зеликовой «“Чувствую себя просто бабушкой”. Старение, эйджизм и сексизм в современной России» рассматривается старение в современной России как многомерное явление, состоящее из определенных правил и практик. Поскольку пожилой возраст в российском обществе нормализуется как возраст снижения (снижения способности к обучению, физической привлекательности, желаний, активности и т. д.), то автор ставит следующий исследовательский вопрос: возможно ли сопротивление негативному дискурсу старения, связанному со снижением? Как могло бы проходить старение, если можно было хотя бы частично освободиться от негативных социальных убеждений по поводу возраста? Опира-

ясь на результаты 18 глубинных интервью с людьми в возрасте от 60 до 86 лет, автор показывает, что нормы и правила социальных институтов почти физически ограничивают пространство для деятельности пожилых людей, контролируют их жизнь, лишают самостоятельности, отказывают в реализации своих желаний, лишают агентности. Культура вынуждает пожилых людей думать о своем возрасте как о физической и социальной проблеме, предлагает непривлекательные образы старения, заставляет тратить средства, чтобы скрывать свой возраст. Такой символический порядок приводит к эйджизму, который существует в России в форме социального контроля. Данные нормы и правила усваиваются пожилыми людьми, что в свою очередь приводит к их самодискриминации и воспроизводству эйджизма.

В номере представлены также три эссе. Первое из них – «Confronting Ageism and the Dilemmas of Aging: Literary Gerontology and Poetic Imagination – Baranskaya to Marinina» – написано Джейн Харрис. Она анализирует образы пожилых людей – героев произведений русской литературы второй половины XX века. Автор рассматривает произведения, в которых исследуется загадка старения, герои которых разрушают социально и культурно сконструированные стереотипы, и отстаивает тезис, что современная российская литература является способом сопротивления не только биологическому, но и идеологическому и социальному детерминизму – сопротивлением навязанным обществом стереотипам и нормам, которые можно идентифицировать как эйджизм.

Майя Кёнёнен предлагает вниманию читателя эссе «Contemporary Narratives of Senility». Она исследует два способа говорить о старости, два дискурса, которые конкурируют друг с другом и одновременно дополняют друг друга. Первый – это биомедицинский дискурс о деменции. Второй – дискурс о старости как части «нормального» старения. Оба эти дискурса влияют на наше восприятие старости и на отношение к ней. Авторский подход к анализу литературных произведений включает критическую геронтологию и нарративный анализ. Сочетание методов культурной геронтологии и литературоведения позволяет рассматривать старость как исторически и культурно специфическое понятие и явление. Цель эссе – продемонстрировать на двух примерах из современной русской малой прозы (рассказ Нины Катерли «На два голоса» и рассказ Нины Садур «Стул»), как литературное произведение может быть связано с доминирующими культурными традициями, социологическими и медицинскими дискурсами и нормами старения. Автор анализирует литературные приемы, используемые в рассказах для выражения переживания процесса старения с точки зрения самих пожилых героев.

Третье представленное в этом номере эссе – «Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19» – написано Ириной Григорьевой и Еленой Богдановой. Как пишут сами авторы, это эссе является реакцией на кризис, проявляющийся в теории и политике решения проблемы старения общества в европейских странах и в России. Пандемия коронавирусной инфекции поставила под вопрос состоятельность основ концепции «активного старения» и всего нелиберального проекта старения, который был призван интегрировать пожилых в рынки труда и потребления и тем самым решать проблемы социального

исключения пожилых и негативного образа их как обузы для общества. Пандемия актуализировала возрастные границы и заставила вспомнить о физиологических особенностях стареющего организма. Борьба за инклюзию пожилых сменилась (временно) борьбой за их эксклюзию. В эссе разбираются теоретические подходы, лежащие в основе концепции активного старения в том варианте, в котором они были сформированы в западном контексте, и в версии, воспринятой в России. Здесь же ставится важный вопрос о том, приведет ли кризис, вызванный пандемией COVID-19, к пониманию необходимости формирования новой концепции старения.

В рубрике «Полевые заметки» мы представляем работу Константина Галкина «Особенности нерационального социологического интервью: если у информанта диагноз “деменция”». В этом эссе автор делится своим опытом интервьюирования информантов с диагнозом «деменция». Вся методология нарративного интервью основана на том, что в беседе участвуют два рациональных субъекта, между которыми установлены доверительные отношения. Но в данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда это конвенциональное условие нарушено. Как исследователю позиционировать себя при выстраивании отношений с информантом, если не гарантировано полное ответственное понимание вопросов и самой ситуации интервью? Ответу на этот вопрос и посвящено эссе Галкина.

Наконец, представляемый нами тематический номер содержит много рецензий на книги исследователей старения из разных стран мира. Сам этот факт говорит о популярности темы в научном дискурсе. Так, в этом выпуске опубликованы рецензии на книги исследователя Виталия Лехциера «Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины», Джейн Гэллоп «Sexuality, Disability, and Aging: Queer Temporalities of the Phallus», Торберна Билдтгарда и Питера Оберга «Intimacy and Ageing: New Relationships in Later Life». В разделе «Рецензии» читатель найдет анализ сборников статей «Aging and Human Nature: Perspectives from Philosophical, Theological, and Historical Anthropology» (под редакцией Марка Шведы, Михаэля Корса и Клаудии Боццаро), «Ageing and Digital Technology: Designing and Evaluating Emerging Technologies for Older Adults» (под редакцией Барбары Невес и Франка Ветере), а также о коллективной монографии Ирины Григорьевой, Александры Дмитриевой, Людмилы Видясовой и Ольги Сергеевой «Elderly Population in Modern Russia: Between Work, Education and Health».

Приятного всем чтения!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зеликова, Юлия. 2018. «Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте». *Журнал исследований социальной политики* 16(1):125–140. doi:10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140.
- Низамова, Алия. 2016. «Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте?». *Журнал исследований социальной политики* 14(4):569–582.
- Рогозин, Дмитрий. 2018. «Что делать со стареющим телом?». *Журнал социологии и социальной антропологии* 21(2):133–164. doi:10.31119/jssa.2018.21.2.5.
- Bauman, Zygmunt. 2001. *The Individualized Society*. Cambridge: Polity.

- Bauman, Zygmunt. 2005. *Liquid Life*. Cambridge: Polity.
- Beaujouan, Eva, and Tomáš Sobotka. 2019. "Late Childbearing Continues to Increase in Developed Countries." *Population & Societies* 562:1–4.
- Beauvoir, Simone de. 1972. *The Coming of Age*. London: André Deutsch Ltd and Weidenfeld and Nicolson Ltd.
- Beck, Ulrich. 2007. "Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World." *British Journal of Sociology* 58(4):679–705.
- Beck, Ulrich, Wolfgang Bonss, and Christoph Lau. 2003. "The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme." *Theory, Culture and Society* 20(2):1–33.
- Butler, Judith. 1999. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Elder Jr., Glen. 1974. *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago.
- Gallop, Jane. 2019. *Sexuality, Disability, and Aging: Queer Temporalities of the Phallus*. Durham, NC: Duke University Press.
- Gilleard, Chris, and Paul Higgs. 2000. *Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body*. Harlow, UK: Pearson Education.
- Gilleard, Chris, and Paul Higgs. 2005. *Contexts of Ageing: Class, Cohort and Community*. Cambridge: Polity.
- Gilleard, Chris, and Paul Higgs. 2010. "Aging without Agency: Theorizing the Fourth Age." *Aging & Mental Health* 14(2):121–128. doi:10.1080/13607860903228762.
- Halberstam, Judith. 2005. *In a Queer Time and Place: Transgender Bodies, Subcultural Lives, Sexual Cultures*. New York: NYU Press.
- Jones, Ian Rees, and Paul F. Higgs. 2010. "The Natural, the Normal and the Normative: Contested Terrains in Ageing and Old Age." *Social Science & Medicine* 71(8):1513–1519. doi:10.1016/j.socscimed.2010.07.022.
- Merleau-Ponty, Maurice. [1945] 1978. *Phenomenology of Perception*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Moody, H. R. 2002. "Who Is Afraid of Life Extension?" *Generations: Journal of the American Society on Aging* 25(4):33–37.
- Nikolajeva, Maria. 2009. "Theory, Post-Theory, and Aetonormative Theory." *Neohelicon* 36(1):13–24.
- Pickard, Susan. 2016. *Age Studies: A Sociological Examination of How We Age and Are Aged through the Life Course*. London: Sage.
- "Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging." 2002. Second World Assembly on Aging, April 8–12, Madrid, Spain. https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Madrid_plan.pdf.
- Port, Cynthia. 2012. "No Future? Aging, Temporality, History, and Reverse Chronologies." *Occasion: Interdisciplinary Studies in the Humanities* 4. <http://occasion.stanford.edu/node/98>.
- Radicioni, Silvia, and Bernhard Weicht. 2018. "A Place to Transform: Creating Caring Spaces by Challenging Normativity and Identity." *Gender, Place & Culture* 25(3):368–383. doi:10.1080/0966369X.2017.1382449.
- Riley, Matilda White, Marilyn Johnson, and Anne Foner, eds. 1972. *Aging and Society: A Sociology of Age Stratification*. New York: Russell Sage Foundation.
- Rowe, John, and Robert Kahn. 1987. "Human Aging: Usual and Successful." *Science* 237(4811):143–149.
- Rowe, John, and Robert Kahn. 1997. "Successful Aging." *The Gerontologist* 37(4):433–440.
- Thane, Pat. 2000. *Old Age in English History: Past Experiences, Present Issues*. Oxford: Oxford University Press.